**Трансформация накопительного элемента пенсионной системы
Российской Федерации: в поисках концептуализации
современной модели**

ВОРОНИН Юрий Викторович, руководитель Центра правового обеспечения социально-экономических реформ Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, кандидат экономических наук

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

E-mail: voronin@gnext.ru

СТОЛЯРОВ Андрей Викторович, советник главного финансового уполномоченного, Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного, аспирант Академии труда и социальных отношений

Россия, 119454, г. Москва, ул. Лобачевского, 90

E-mail: andreis0101@mail.ru

В статье анализируются проблемы трансформации обязательной накопительной компоненты пенсионной системы Российской Федерации, дается анализ различий и сходства предлагаемых моделей ее реорганизации в формах «индивидуального пенсионного капитала» и «гарантированного пенсионного продукта», а также порождаемых возможной имплементацией этих предложений проблем.

Методы исследования: формально-логический, диалектический, сравнительный и метод обобщения.

Проанализированы слабые и сильные стороны предлагаемой модели гарантированного пенсионного продукта, сделан вывод о неадекватности предложенного решения задач, стоящим перед реформируемой системой обязательного пенсионного страхования. Предложенная модель «гарантированного пенсионного продукта» содержит неустранимые логические противоречия, и ее реализация на практике приведет лишь к усилению дезорганизации в сфере пенсионного обеспечения.

На основе проведенного анализа формулируются предложения по реорганизации системы добровольного негосударственного пенсионного обеспечения в целях более полного и эффективного решения задач формирования накоплений на случай достижения пенсионного возраста. Авторы приходят к выводу, что оптимальным решением является перевод обязательного накопительного пенсионного страхования в сферу частноправовых отношений, построенных на принципах добровольности.

Ключевые слова: гарантированный пенсионный продукт, государственные гарантии, индивидуальный пенсионный капитал, негосударственное пенсионное обеспечение, обязательное пенсионное страхование, пенсионная реформа, пенсионная система, реформирование пенсионной системы.

Для цитирования: Воронин Ю. В., Столяров А. В. Трансформация накопительного элемента пенсионной системы Российской Федерации: в поисках концептуализации современной модели // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 94—111. DOI: 10.12737/jrl.2020.020

Transformation of the Funded Pension Component of the Russian Federation: Searching the Conceptualization of the Contemporary Model

Yu. V. VORONIN, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation
E-mail: voronin@gnext.ru

A. V. STOLYAROV, Academy of Labour and Social Relations, Moscow 119454, Russian Federation
E-mail: andreis0101@mail.ru

In the article the authors analyze some problems of the mandatory funded component of the pension system transformation in the Russian Federation, as well as differences and similarities of the now proposed models for its reorganization in the forms of “individual pension capital” and “guaranteed pension product” in bundle with problems generated by the possible implementation of these proposals.

The research is based on a combination of formal logical, dialectical and comparatives methods. In a process of the further improvement of the pension model analysis, esp. in terms of introducing the institute of “individual pension capital”, the generalization method was also used.

Particular attention was paid to the proposed “guaranteed pension product” model. Its strengths and weaknesses are analyzed, and the conclusion is made that the proposed solution is inadequate to the challenges facing the reforming system of mandatory fully-funded pension provision. It is emphasized that the proposed model of the “guaranteed pension product” contains unavoidable logical contradictions and its implementation in practice will only lead to an increase in disorganization of the pension system.

Based on the analysis, they formulate some attitudes to the problem of the voluntary non-state pension system reorganization in order to fully and effectively solution of the problems of accumulating pension savings. The authors conclude that the optimal solution is to transfer the mandatory fully-funded pension provision to the sphere of private law regulation based on the principles of voluntariness.

Keywords: guaranteed pension product, guaranteed pension product, state guarantees, individual pension capital, individual pension capital, non-state pension provision, mandatory pension insurance, pension reform, pension system, reform of the pension system.

For citation: Voronin Yu. V., Stolyarov A. V. Transformation of the Funded Pension Component of the Russian Federation: Searching the Conceptualization of the Contemporary Model. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 2, pp. 94—111. DOI: 10.12737/jrl.2020.020 (In Russ.)

Министерством финансов РФ официально опубликован проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам негосударственного пенсионного обеспечения», подготовленный в рамках продолжающейся дискуссии о путях реформирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации¹.

В силу вызванной этим актуализации вопроса о путях трансформации обязательной накопительной компоненты пенсионной системы Российской Федерации возникает необходимость внимательно проанализировать как проблему уже сформиро-

ванных пенсионных накоплений и их правового статуса в системе, так и суть предлагаемых некоторыми участниками ведущейся дискуссии, в том числе авторами внесенного законопроекта, предложений по решению данной проблемы. В последнем случае необходимо проанализировать различия не столько между имеющейся сегодня моделью имплементации накопительного компонента в систему обязательного пенсионного страхования (ОПС), развитие которого было в основном приостановлено в 2014 г.², и предлагаемыми

¹ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=95019> (дата обращения: 25.11.2019).

² См. Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 410-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам формирования пенсионных накоплений».

вариантами его трансформации, сколько между вариантами, получившими в профессиональной дискуссии наименования «индивидуальный пенсионный капитал» (ИПК) и «гарантированный пенсионный продукт» (ГПП).

Иными словами, ставится задача определить, насколько правомерным и оправданным как с правовой, так и с практической точек зрения является сохранение института пенсионных накоплений в формате ОПС в существующем виде, а также его трансформация в форму ИПК, построенного на принципах всеобщего обязательного включения в систему отношений по накопительному пенсионному страхованию всех застрахованных лиц с предоставлением им права отказа от участия в течение установленного законом непродолжительного периода (институт «автоподписки»).

О несовместимости институтов социального страхования и обязательной накопительной компоненты неоднократно высказывались Ю. В. Воронин, В. П. Емельянцев, М. Л. Захаров, Э. Г. Тучкова и др. Вопросы несоответствия института «автоподписки» правовой традиции континентального права отмечалось в работах М. А. Ковалевского, Н. С. Ковалевской и др.

В то же время мнения о необходимости и актуальности сохранения обязательного накопительного элемента пенсионной системы неоднократно высказывались в работах и выступлениях представителей экономической науки, в частности Е. Т. Гурвича, В. С. Назарова, А. Л. Кудрина. Особо отметим, что среди правоведов сторонников данного подхода нет³.

³ См.: Гурвич Е. Государственные финансы в эпоху старения населения // Коммерсант «Наука». Приложение № 30. 2018. 30 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3724083> (дата обращения: 20.11.2019); Воронин Ю., Назаров В. Что же будет с пенсией и с нами? (материалы дискуссии). URL:

До сегодняшнего дня неоднократно говорилось о принципиальной несовместимости в рамках одной институциональной структуры обязательного пенсионного страхования и принудительного накопительного сбережения средств на старость⁴. По меньшей мере в силу того, что экономическая, а вслед за ней и правовая природа этих структурных элементов принципиально различны. Достаточно указать, что в рамках государственной системы обязательного социального (пенсионного) страхования речь идет о перераспределении ВВП между различными социальными группами, т. е. о макроэкономическом процессе вторичного общественного распределения⁵, в то время как в накопительном сегменте речь идет о перераспределении дохода конкретного лица между его текущим потреблением и сбережением, т. е. о процессе микроэкономическом, связанном с третичным распределением (в терминах экономической теории).

Содержательная несовместимость, отразившаяся и в двойственном характере правовой природы института ОПС, обремененного накопительным компонентом, порождает также определенные социально-психологические проблемы

<https://echo.msk.ru/programs/sorokina/1853364-echo/> (дата обращения: 20.11.2019).

⁴ См.: Воронин Ю. В. Частное в публичном, или Некоторые размышления о методологии научных исследований накопительного компонента пенсионной системы Российской Федерации в праве социального обеспечения // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 84—96; Пенсионные накопления в России: кризис ожидания или новые возможности: монография / отв. ред. Ю. В. Воронин, В. П. Емельянцев. М., 2017.

⁵ Здесь мы абстрагируемся от правил, по которым осуществляется это перераспределение, поскольку они относятся к содержанию самих процессов лишь косвенно, в первую очередь с точки зрения определения обязательств государства (точнее даже говорить «общества») перед застрахованным.

в качестве эпифеномена. В частности, пенсионные накопления, которые в общественном дискурсе воспринимаются как личные накопления граждан, являются на деле либо государственной собственностью, либо собственностью негосударственного пенсионного фонда (НПФ) (причем процесс смены собственника по инициативе третьего лица, застрахованного по ОПС, может осуществляться в рамках данного процесса многократно). Эта подмена приводит, причем в массовом порядке, к искаженному восприятию существа возникающих правоотношений, характера обязательств сторон и меры их ответственности за результаты.

Естественно, данная ситуация не может продолжаться бесконечно и конфликт должен быть каким-то образом разрешен. Однако накопления в рамках ранее принятой модели сформированы, они существуют. Стоимость чистых активов управляющих компаний, которым Пенсионным фондом Российской Федерации (ПФР) переданы средства ОПС, в III квартале 2019 г. составляли свыше 1,8 трлн руб.⁶, пенсионные накопления в НПФ на конец 2018 г. превысили 2,5 трлн руб.⁷ И пренебречь этим фактом просто невозможно.

В отношении этих средств у населения существуют определенные ожидания, которые основываются на уже упоминавшихся (пусть и превратных) представлениях о существовании у них права собственности на средства ОПС, размещенные в ПФР, НПФ и управляющих компаниях. И в современных условиях, когда инициативы правительства в области пенсионного обеспечения и так уже вызвали серьезное

массовое недовольство, постоянно продлеваемое решение 2014 г. о временной «заморозке» формирования пенсионных накоплений становится контрпродуктивным.

Все это требует скорейшего разрешения вопроса о трансформации системы ОПС в более приемлемую форму с максимальным учетом как общественных, так и частных интересов, и минимизацией негативных последствий производимой трансформации. Однако на настоящий момент сохраняется неопределенность в отношении путей ее трансформации.

Поскольку вопрос о существовании обязательности (принуждения) в части накопительного пенсионного обеспечения был в той или иной степени решен, необходимо остановиться на вариантах, которые последнее время активно обсуждались в кругу специалистов: условно-добровольном (в форме ИПК и ГПП) и собственно добровольном.

Вариант ИПК, который активно продвигается, в том числе в Российской Федерации, представителями Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ), был разобран нами ранее⁸. Поэтому в настоящей статье мы повторим только наиболее важные выводы, сконцентрировавшись в большей степени на других аспектах предполагаемой трансформации, которые ранее столь подробно не рассматривались:

1) накопительная компонента пенсионной системы не только вызывает проблемы с ее правовым оформлением и интеграцией в государственную систему обязательного социального (пенсионного) страхо-

⁶ URL: http://www.pfrf.ru/grazdanam/pensions/pens_nak/osnov_sved_invest/~627.

⁷ См.: Афонин А., Янин А. Рынок НПФ по итогам 2018 года: экзистенциальный кризис. URL: <https://raexpert.ru/researches/pnf/2018> (дата обращения: 13.11.2019).

⁸ См. об этом: Воронин Ю., Столяров А. Негосударственные накопительные пенсии: подходы к сбалансированному регулированию инвестиционного процесса с учетом частных и публичных интересов // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов. М., 2019. С. 123—135.

вания в странах с континентальной системой права, но и, как показал опыт, не решает тех задач, которые ставятся перед ней ее разработчиками и сторонниками, в частности: не увеличивает склонности к сбережениям и общей нормы накопления в экономике, т. е. ограничение прав лиц законом не порождает общего блага, что являлось бы оправданием такого ограничения;

2) порождаемые накопительной компонентой дисбалансы в сфере обязательного социального (пенсионного) страхования за счет того, что текущему поколению работающих, в отличие от поколений предшествующих, приходится не только оплачивать страховое обеспечение в рамках солидарной системы, что делали поколения до них, но и формировать собственные фонды на финансирование будущей пенсии (что нарушает принцип равенства прав и обязанностей всех участников системы обязательного социального страхования), уже привели к их явному или неартикулируемому демонтажу в ряде стран, ранее введших у себя накопительный компонент под давлением МВФ и ВБ в качестве обязательного элемента системы⁹.

Понимание реальной ситуации со стороны адептов обязательной накопительной системы, пусть и не признаваемое ими открыто, привело к переориентации последних на решения и модели, основанные на скрытых механизмах манипулирования поведением населения, в основе которых лежат концепции «подталкивания» и «архитектуры выбора», разработанные в конце XX — начале XXI в. представителями «бихевиористского» направления в экономике Р. Санстейном, Д. Канэманном, А. Тверски, Р. Талером и др.

Отметим, что идеи, положенные сегодня в основу концепции «автоподписки» («авторегистрации»), яв-

ляющейся ядром модели ИПК, не только чужды правовой и культурной традициям континентальной Европы и России, но и не демонстрируют (как показал недавний опыт внедрения модели в Турции и Польше) эффективности с практической точки зрения¹⁰, поскольку потенциальные клиенты массово уклоняются от участия в построенной на этом принципе системе.

Идея «автоподписки» не только не создает положительных социальных и экономических эффектов, как мы видим из анализа обязательной накопительной компоненты пенсионной системы, но и просто не работоспособна. Однако поскольку идея ее включения в систему ГПП/ИПК по умолчанию до конца не отброшена, мы будем рассматривать предлагаемую модель как в ее более жесткой (ИПК), так и в смягченной (ГПП) формах, основываясь в большей мере на их содержательном единстве и пренебрегая теми аспектами, которые их отличают.

Для начала остановимся на вопросе о том, что представляет собой институт ИПК. В соответствии с рекомендациям МВФ и ВБ, нашедшими отражение в концепции модернизации пенсионной системы, которая была представлена Минфином России и Центральным банком РФ в сентябре 2016 г., именно ИПК был призван заменить и модернизировать «замороженную» накопительную компоненту ОПС. Основным способом включения граждан в новую накопительную систему, согласно изначальной концепции ИПК, была автоматическая подписка¹¹.

¹⁰ См.: *Heinz P. R. Pension Funds with Automatic Enrollment Schemes: Lessons for Emerging Economies* // Policy Research working paper. no. WPS 8726. Washington, 2019. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/368081549376313709/Pension-Funds-with-Automatic-Enrollment-Schemes-Lessons-for-Emerging-Economies>.

¹¹ См., например: Минфин разработал законопроект «о гарантированном пен-

⁹ См.: Central and Eastern Europe: New Member States (NMS) Policy Forum, 2014. Selected Issues. Washington, 2015. P. 64—74.

Иными словами, всех работающих по умолчанию подключают к отчислению взносов из их заработной платы в негосударственные пенсионные фонды, где будут формироваться их негосударственные пенсии. Предполагается, что размер взносов будет постепенно увеличиваться от 0% в первый год подключения к ИПК и до 6% через пять лет¹².

В рамках данной модели за работником сохраняется право на выход из системы в течение очень ограниченного периода времени (как правило, в течение шести месяцев — см. опыт Турции, Польши, Великобритании и Канады по имплементации аналогичных систем), после чего выход из нее, по крайней мере без существенных имущественных потерь, становится невозможным. Итак, вход в систему пассивный, по умолчанию работника, а выход, напротив, требует от него совершения активных действий, причем ограниченных пресекательным сроком давности.

В рассматриваемой правовой конструкции имеются существенные риски, связанные с возможностью формирования такой «архитектуры» (или стратегии и тактики имплементации) системы, в которой работник на начальном периоде, равном или превышающем период, установленный для добровольного выхода из нее без имущественных потерь, не уплачивает никаких

взносов в систему. В этом случае работник оказывается лишенным актуальной информации о существенных условиях своего участия в системе и реальных стимулов к совершению действий по выходу из нее. Реальные стимулы к расторжению сделки оказываются актуализированными, лишь когда выход из договора становится невозможным в силу правовой конструкции системы.

Понятно, что подобная тактика способна давать эффект до первых публичных конфликтов, находящихся освещении в информационном пространстве страны, после чего ее реализация станет проблематичной.

Успешность реализации стратегии массового вовлечения населения в систему «автоподписки» (представляется очевидным, что сторонники данной модели рассчитывают на ее успешную реализацию) предполагает необходимость массовых согласованных действий со стороны органов исполнительной власти и иных организаций, заинтересованных в имплементации данной схемы, с одной стороны, и крупных работодателей — с другой, по единовременному (данный период в зависимости от установленного законом срока «отказа от участия» может составлять от полугода до года) интенсивному включению в схему работников, для чего, вероятно, будут использованы различные методы манипуляции поведением работников, являющихся априори слабой стороной в рассматриваемых правоотношениях.

При этом нельзя исключать и применения различных методов давления со стороны органов исполнительной власти¹³, заинтересованных в имплементации рассматриваемой модели, на работодателей в части

сионном продукте». URL: <https://tass.ru/ekonomika/6855992> (дата обращения: 20.10.2019).

¹² При этом право отказа от участия в системе ограничивалось одним годом, что, как представляется, является весьма существенным фактором прямой манипуляции, поскольку отсутствие реальных отчислений в течение первого года участия в системе не создает стимулов для немедленного выхода и не предоставляет эффективной сигнальной информации застрахованному о его фактических обязательствах, которые возникнут по истечении установленного периода ожидания.

¹³ А также органов, имеющих де-факто спорный правовой статус, но наделенных в силу закона полномочиями влиять на экономическую деятельность коммерческих организаций и их собственников, а также на финансовые результаты этой деятельности.

побуждения их к массовому включению в систему своих наемных работников с использованием различных манипулятивных приемов.

Конечно, мы не можем утверждать, что данные возможности будут реализованы на практике, однако правовая конструкция системы «автоподписки» такие возможности допускает и, более того, делает их желательными с точки зрения заинтересованных субъектов.

Трудно поверить, что подобного рода действия не вызовут резкого роста социального напряжения в обществе и усиления недоверия между субъектами отношений, что в конечном счете дискредитирует не только идею негосударственного пенсионного обеспечения, но и государство как фактического автора предложенной модели.

Представляется, что рост недоверия будет иметь место не только в случае фактического наличия злоупотреблений со стороны заинтересованных представителей работодателей, участников рынка и контролирующих органов (основания предполагать наличие таких злоупотреблений, а равно и простых провалов в практике надзора на сегодняшний день имеются в достаточном количестве¹⁴), но и в случае публичного указания на такую возможность в информационном поле, поскольку обсуждение возможности манипуляции является фактом общественного сознания, формирующим поведение

¹⁴ О манипуляциях с согласием граждан см., например: Крупное мошенничество на пенсионном рынке: граждане потеряли инвестдоход на миллиарды. URL: <https://www.bfm.ru/news/415457> (дата обращения: 27.10.2019); о провалах надзора и хищении собственности см., например: *Перекрест В.* Ограбить пенсионеров и сбежать в Лондон: как чиновник и реформатор Борис Минц превратился сначала в миллиардера, а затем в беглеца // Комсомольская правда. 2018. 5 июня. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26837/3878826/> (дата обращения: 27.10.2019).

граждан и их отношение к государству и участникам рынка.

Правовая конструкция ГПП, к которой в последнее время все более склоняются инициаторы процесса трансформации накопительного компонента системы ОПС¹⁵, является модифицированным вариантом конструкции схем с «автоподпиской», в силу чего к ней применимы все те же возражения и сомнения, которые были высказаны выше в отношении базового варианта. В рамках данного подхода предлагается включать в систему формирования частных накоплений лиц, выразивших такое желание лично либо через работодателя, оставляя за последними в течение определенного периода, составляющего шесть месяцев, право на выход из этой системы¹⁶.

Однако поскольку полного автоматизма включения граждан в такую пенсионную схему не предусматривается, в значительной мере усиливаются риски, связанные с недобросовестным и (или) некомпетентным поведением отдельных субъектов.

В анализе предлагаемой модели особо следует остановиться на добавлении в рамках конструкции ГПП в состав субъектов негосудар-

¹⁵ См. проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам негосударственного пенсионного обеспечения».

¹⁶ В английском языке, из которого и пришла к нам исходная концепция, именуемая «подталкиванием», данный механизм определяется термином «opt-out», для которого наиболее адекватным переводом является понятие «уклоняться», «отказываться принимать участие в...». В британской крайне правой либертарианской традиции таким образом обозначается попытка школы или учреждения здравоохранения (т. е. социального института) выйти из-под контроля местных властей (см., например: URL: <https://www.facebook.com/TheOptOutFloridaNetwork>).

ственного пенсионного обеспечения института «пенсионного оператора», на которого в соответствии с названным выше проектом федерального закона возлагается «ведение реестра участников гарантированного пенсионного плана и администрирование пенсионных взносов по гарантированному пенсионному плану...».

Фактически речь идет о замещении НПФ (которые в такой конструкции в силу отсутствия функциональных обязанностей оказываются излишними, поскольку и сегодня на их плечах лежит исключительно обязанность по ведению счетов и производству выплат), а также и ПФР — в части замещения накопительного компонента пенсионной системы — «пенсионным оператором»: лицом, осуществляющим ведение реестра участников гарантированного пенсионного плана и его администрирование.

С подобного рода подходом можно было бы согласиться, если бы он предполагал тотальную перестройку всей системы ОПС:

создание социальными партнерами публично-правового лица, которому должно быть передано управление всеми ранее сформированными в рамках ОПС пенсионными накоплениями, а также накоплениями, которые будут формироваться в рамках новой системы;

переход к принципам «трипартизма» в управлении создаваемым институтом;

ликвидацию системы обязательного пенсионного страхования в ее существующем виде.

Однако это потребует существенных новаций в правовой сфере, например введения понятия публичной корпорации, описания механизмов ее функционирования и принципов регулирования, разрешения вопросов с функционированием действующих НПФ, исключительным видом деятельности которых является деятельность по обязательному пенсионному страхованию (при том, что чистое накопление средств

нельзя отнести к страховой деятельности), а также по возмещению возможного ущерба собственникам таких фондов в случае их принудительной ликвидации. В любом случае такая перестройка не может осуществляться путем внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, поскольку предполагает концептуальную реорганизацию всей отрасли негосударственного пенсионного обеспечения.

По своим атрибутам и институтам систему ГПП сложно отнести к добровольным форматам пенсионного обеспечения. В значительной степени ГПП походит на систему ОПС. Только вместо государственного ПФР — коммерческий пенсионный оператор, вместо обязательного пенсионного страхования — обязательное ведение реестра участников ГПП и учета их прав. Одинаковыми для ОПС и ГПП являются круг лиц, охваченных действием системы (работники), база для уплаты взносов (фонд оплаты труда), а также то обстоятельство, что участие работника в формировании пенсионных накоплений осуществляется через его работодателя. Для реализации добровольных правоотношений подобный подход к регулированию является излишним, противоречащим природе таких правоотношений.

Одной из основных проблем, препятствующих развитию пенсионных накоплений в системе ОПС, являлось отсутствие оснований для возникновения рыночной конкуренции между фондами за привлечение клиентов через предложение им разнообразных условий негосударственного пенсионного обеспечения (пенсионных продуктов). Эта конкуренция в итоге была подменена фондами на нелегитимное перетягивание клиентов друг у друга, что вызывает справедливые претензии граждан. Однако при переходе от ОПС к ГПП, вопреки общественным ожиданиям, данная проблема никак не решается.

Работникам предлагается заключать договор присоединения к правилам НПФ, а присоединением к правилам считается начало уплаты взносов. Вместе с тем речь идет о добровольной системе правоотношений. Поэтому крайне важно, чтобы человек осмысленно и ответственно заключал с НПФ пенсионный договор, а не просто к чему-то присоединялся. Должны быть созданы максимально возможные условия для того, чтобы он ознакомился с содержанием пенсионного договора, правильно понимал положения договора, осознавал их последствия для своего будущего, а также имел бы реальную возможность договориться с выбранным им фондом о таких условиях договора, которые отвечали бы его интересам.

Предложенная в законопроекте модель вступления гражданина в правоотношения с НПФ не отвечает этим целям. Более того, она по-прежнему будет сдерживать создание нормальной рыночной конкурентной среды для деятельности НПФ.

В добровольной системе, которой провозглашается система ГПП, отсутствует необходимость в придании работодателям статуса субъекта (участника) правоотношений. Весь опыт функционирования добровольной системы негосударственного пенсионного обеспечения (НПО) об этом доказательно свидетельствует. Работодатель может быть субъектом правоотношений по формированию пенсионных накоплений только в одном случае — когда он уплачивает взносы в НПФ в пользу своих работников (выгодоприобретателей). В тех же случаях, когда человек является полноценным участником отношений с НПФ, т. е. уплачивает взносы из своей заработной платы, вполне достаточно того, чтобы его работодатель выполнял лишь агентскую функцию по перечислению таких взносов.

Включение работодателем своих работников в реестр участников ГПП на основании простого заявления является очевидно чрезмерным, поскольку существенным образом снижает легитимацию воли гражданина в сравнении с действующим порядком оформления доверенности с нотариальным удостоверением. Учитывая правовые последствия для человека включения его в этот реестр, подобный упрощенный подход является недопустимым. В случае возникновения последующего конфликта в связи с необоснованным включением в реестр на практике невозможно будет на основании лишь одной подписи работника в заявлении установить, является ли подпись подлинной или была сфальсифицирована.

Исходя из добровольной сущности НПО необходимо, чтобы человек, желающий заключить договор с НПФ о его негосударственном пенсионном обеспечении, делал это самостоятельно и сугубо индивидуально, осознавая условия такого договора.

Вряд ли будет правильным ограничивать круг лиц ГПП как вида НПО одними работодателями гражданами, а базу для уплаты пенсионных взносов только заработной платой. Не представляется возможным объяснить, почему гражданин ограничивается в праве уплачивать взносы в НПФ с любых видов своих доходов. Такой ограничительный подход не отвечает интересам ни человека, ни государства.

Приходится констатировать, что в лице предлагаемого к внедрению института «пенсионного оператора» на сегодняшний день мы имеем несколько неуклюжую попытку «приватизации» бизнеса НПФ не вполне понятной структурой с неопределенным правовым статусом. Такого рода новация, как представляется, не только не решит имеющихся проблем, но и добавит несуразностей в распределении функциональных обязанностей между субъектами,

усилит неразбериху и безответственность, а также увеличит нагрузку на доход за счет роста совокупных издержек.

Вызывает также сомнение альтернативность выбора для фондов пенсионного оператора. В этом вопросе отсутствует какая-либо конкуренция услуг, что для рыночной системы совершенно недопустимо. Даже специальных депозитариев в накопительном компоненте ОПС несколько, из них фонды могут выбирать. В случае же с оператором в системе ГПП возможность выбора полностью исключена, что неизбежно скажется на тарифах за его услуги, а это критично для пенсионных прав граждан.

В системе ОПС есть оператор — ПФР, но его услуги для НПФ являются бесплатными. Поэтому предлагаемое в законопроекте решение о введении коммерческого пенсионного оператора является беспрецедентным для всей системы пенсионного обеспечения.

В законопроекте пенсионный оператор заявляется в качестве администратора пенсионных взносов, однако в добровольной системе какое-либо администрирование взносов в принципе невозможно, поскольку там действует принцип: нет взносов — нет обязательств. Администрирование существует только в обязательных пенсионных системах, где работодатели несут административную и уголовную ответственность за несвоевременную и неправильную уплату взносов, где непоступление взносов не препятствует формированию пенсионных прав граждан.

В добровольных же системах нет и не может быть никакой ответственности кого бы то ни было за неуплату взносов. Если работник попросил работодателя переводить добровольные взносы из его заработной платы в НПФ, а тот по какой-либо причине не перевел или перевел не то, что его просили, то работник сам должен разбираться с таким

работодателем (вплоть до обращения в суд за возмещением вреда).

Кроме того, пенсионный оператор, будучи коммерческой структурой, не может осуществлять администрирование взносов по своему статусу. Для этого у него нет и не может быть властных полномочий.

С учетом всей совокупности приведенных обстоятельств следует ответственно обсудить в обществе вопрос о целесообразности введения пенсионного оператора. Если все-таки будет принято такое решение, то необходимо принять меры к исключению монополизации этой роли через конкурентный выбор оператора, а также более корректно определиться с функциями, которые может осуществлять этот оператор. Все сказанное позволяет утверждать, что официально представленная в виде совокупности законопроектов концепция гарантированного пенсионного продукта, которая в основных своих чертах повторяет широко критиковавшуюся концепцию ИПК¹⁷, является, по нашему мнению, новым шагом на пути к окончательному «запутыванию» и возможной дестабилизации системы негосударственного пенсионного обеспечения и обязательного пенсионного страхования и не приведет к решению имеющихся сегодня в отрасли проблем.

В связи с этим в качестве наиболее рабочего варианта трансформации системы представляется путь единомоментной расчистки проблем накопительного компонента системы ОПС путем окончательной

¹⁷ О том, почему данную систему вопреки заявлениям представителей Минфина России и ЦБ РФ А. Моисеева и С. Швецова (см., например: URL: <https://iz.ru/937482/2019-10-29/v-tcb-obiasnili-skhemu-rabotynovoi-sistemy-pensionnykh-nakoplenii>; <https://iz.ru/937416/2019-10-29/minfin-itsentrobank-prezentovali-novuiu-sistemu-pensionnykh-nakoplenii>) нельзя рассматривать как действительно добровольную, подробнее скажем ниже.

«приватизации» уже накопленных средств — или, как альтернатива для тех, кто не перевел средства в НПФ, для так называемых молчунов, — их выплата по ранее установленным правилам по мере приобретения соответствующими лицами права на накопительную пенсию. Безотносительно к выбору варианта решения вопроса с дальнейшим направлением трансформации накопительного компонента ОПС, его эффективность будет зависеть от существенной расчистки правовых завалов, исторически накопившихся в сфере НПО.

В настоящее время конструкция негосударственного пенсионного обеспечения является избыточной по составу субъектов, внутренне противоречивой по предмету деятельности и распределению ответственности за результаты. Сегодня в качестве субъектов на рынке выступают негосударственные пенсионные фонды, управляющие компании, специализированные депозитарии и т. д.

Изначально негосударственные пенсионные фонды создавались на основании Указа Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1077 «О негосударственных пенсионных фондах», причем его п. 3 предусматривалось, что «негосударственные пенсионные фонды и их органы не вправе заниматься коммерческой деятельностью. Размещение активов негосударственных пенсионных фондов осуществляют специализированные компании по управлению активами негосударственных пенсионных фондов, взаимоотношения которых с указанными фондами строятся на основании договора».

Такое разделение являлось следствием не критичного восприятия на начальном этапе создания системы опыта англосаксонских стран (преимущественно США), когда упускался из виду в силу объективных (да и субъективных) обстоятельств тот факт, что в упомянутых странах пенсионные фонды представ-

лены преимущественно забалансовыми счетами крупных корпораций, для которых наличие управляющей компании, отдельной от самой корпорации-учредителя, являлось действием обоснованным и целесообразным. Здесь можно отметить печально известные фонды компаний “General Motors”, “Enron” и т. п. Все они создавались на основании уже упоминавшихся клауз 401(k) и 403(k) Кодекса внутренних доходов США (US Internal Revenue Code) и не являлись юридическими лицами (legal entity) даже в том усеченном понимании, в котором иногда рассматривается конструкция «траста».

При этом существует принципиально иная разновидность пенсионных фондов, представляющих собой публичный траст, который самостоятельно осуществляет инвестиционную деятельность в интересах бенефициаров. Эти «фонды» представляют собой скорее институты публичного права, сходные с пенсионными кассами в Германии¹⁸. Подобные структуры создаются и управляются совместно профсоюзами и объединениями работодателей на основе Закона о пенсионном обеспечении работников (ERISA). Упомянутый Закон требует, чтобы пенсионные планы работников соответствовали определенным требованиям по отчетности и раскрытию информации, аудиту, участию, передаче средств, начислению пособий, финансированию, фидуциарным и другим стандартам. Такой пенсионный фонд представляет собой институционализированный «пенсионный план» для нескольких работодателей по смыслу ERISA с налоговой квалификацией согласно разд. 401(a) Кодекса о внутренних доходах и не облагаемый налогом траст согласно разд. 501(a) Кодекса. Такие фонды (в отличие от ранее

¹⁸ Именно такой вариант мы и рассматривали выше в качестве варианта трансформации системы НПО вместо предлагаемого «пенсионного оператора».

упоминавшихся «корпоративных фондов» 401(k) и 403(k)) гарантируются Корпорацией гарантий пенсионных выплат (PBGC), учреждаемой администрацией ERISA и имеющей статус федерального агентства. Примером такого фонда является траст LiUNA: пенсионный фонд работников строительной отрасли, созданный в 1967 г.¹⁹ К такому же типу фондов относится и большинство фондов муниципальных служащих.

Наложение принципиально иной практики (да еще и не до конца понятой) на российскую реальность породило неопределенность в организационном и функциональном разделении ролей субъектов рынка добровольного негосударственного пенсионного обеспечения уже на начальном этапе. Следствием чего стали институциональная избыточность и рост издержек управления (административных расходов).

Требование обязательного наличия управляющих компаний привело к тому, что большинство крупных корпоративных НПФ в целях сохранения управляемости системы создавали аффилированные (несмотря на то, что аффилированность достаточно рано была запрещена регулятором) компании, на которые и возлагалось осуществление функции по инвестированию пенсионных резервов. Такое распределение позволяло сохранять контроль над издержками, обеспечивать единство интересов всех субъектов процесса, которые в противном случае приходили к неизбежному конфликтному состоянию²⁰.

Таким образом, за НПФ оставалась функция ведения именных пенсион-

ных счетов и организации процесса выплат пенсий. И такая функциональная специализация оправдывала существование НПФ в статусе некоммерческой организации, поскольку целью этой деятельности не являлось извлечение прибыли.

Все сказанное выше можно отнести и к деятельности НПФ по обязательному пенсионному страхованию, которая начала осуществляться в результате пенсионной реформы 2002 г., с тем лишь дополнением, что в этой конструкции наличие НПФ представлялось совсем необоснованным, если не считать в качестве обоснования интерес в «приватизации» части средств социального страхования. И хотя, как уже отмечалось выше, полной приватизации этих средств осуществить не удалось, в результате чего и возникли коллизии со статусом средств обязательного пенсионного страхования, вопросами наследования и т. д., с точки зрения институциональной структуры наличие НПФ представлялось необоснованным. Ведь де-факто вопрос сводился к выбору той или иной управляющей компании (в альянсе с НПФ или вне такового), что вполне могло осуществляться и в рамках ПФР. Что, собственно, и демонстрирует конструкция ВЭБ-ПФР в части лиц, не воспользовавшихся предоставленным им правом выбора формы инвестирования накопительной части трудовой пенсии.

Однако дальнейшее развитие правового регулирования рынка негосударственного пенсионного обеспечения не только не устранило имеющиеся конфликты интересов и мотиваций субъектов, но лишь усугубило их²¹. Вступившим в силу с

¹⁹ Подробнее об организации и правовом статусе таких организаций см., например: URL: <https://lnpf.org/isite418/eremit.dll/41801/cm.asp?name=documents.htm>.

²⁰ Именно этот конфликт и породил сегодняшнюю новеллу о получении вознаграждения пенсионным фондом за счет средств резервов в случае отсутствия инвестиционного дохода.

²¹ Хотя надо признать, что имели место разнонаправленные процессы, но общая тенденция складывалась именно в этом виде. В частности, допущение размещения части резервов НПФ в банковские депозиты, государственные ценные бумаги и иные аналогичные инструменты было фактическим, пусть и косвенным, признанием

1 января 2014 г. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 410-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О негосударственных пенсионных фондах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» было установлено, что все НПФ, осуществляющие деятельность в качестве страховщика по обязательному пенсионному страхованию, должны поменять свою организационно-правовую форму на акционерное общество. При этом НПФ, которые не осуществляют деятельности в качестве страховщика по ОПС, подлежали преобразованию в акционерные пенсионные фонды до 1 января 2019 г. под угрозой ликвидации. Все вновь образуемые фонды с момента вступления новаций в силу должны были создаваться уже в форме акционерных обществ.

Декларировалось, что создание НПФ в форме акционерных обществ позволит этим фондам стать полноправными участниками рынка, а также повысит прозрачность вопроса имущественной ответственности менеджмента и акционеров фондов за последствия выполнения принятых ими неэффективных решений. Также подчеркивалось, что такая организационно-правовая форма фондов, как некоммерческая организация, не соответствует содержанию их деятельности по размещению средств пенсионных резервов и инвестированию средств пенсионных накоплений, которая имеет все признаки коммерческой деятельности на финансовом рынке²². То есть прямо признавалось, что

избыточности существования управляющих компаний.

²² Законопроект № 361766-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О негосударственных пенсионных фондах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и материалы к нему размещены на официальном сайте Госдумы. См.: URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=361766-6&02>.

НПФ занимаются той же деятельностью, что и управляющие компании.

Трансформация НПФ в акционерные общества, предпринятая в 2014 г., с очевидностью не привела к декларируемым целям, а лишь усугубила имеющиеся проблемы. Череду скандалов с НПФ, входящими в группу “O1 Group” Б. Минца, и все события вокруг урегулирования скандала с привлечением офшоров показали, что изменение организационно-правовой формы отнюдь не добавило прозрачности в деятельности фондов и в части прав собственности и не избавило от рисков неправомерных действий со стороны реальных или номинальных собственников.

Между тем данное преобразование усугубило имевшийся и ранее конфликт интересов, переведя его из латентного в институциональный план. Нельзя отрицать, что статус акционерного общества, главной целью деятельности которого является извлечение прибыли в интересах акционеров, вступает в прямое противоречие с целями максимизации доходов участников «пенсионных планов», акционерами не являющихся. Более того, прямой задачей менеджмента (представителей акционеров) является минимизация затрат, к каковым по определению относятся и различные выплаты участникам фондов.

Подводя итог сказанному выше, можно утверждать, что существующая институциональная структура рынка пенсионных накоплений в России является противоречивой, избыточной и не соответствующей задачам, которые она должна решать.

Возникающая как следствие избыточности и неопределенности субъектного состава, о котором говорилось выше, борьба за распределение доходов между субъектами деятельности ведет к негативным последствиям для негосударственного пенсионного обеспечения как инструмента повышения доходов

населения в связи с прекращением активной трудовой деятельности.

Наличие данного противоречия признавалось и ранее, в результате чего был достигнут определенный компромисс, нашедший выражение в ограничении вознаграждения всех субъектов рынка процентом от инвестиционного дохода. Это, в свою очередь, породило потребность в формировании большого собственного капитала НПФ, за счет доходов от инвестирования которого обеспечивалось ведение уставной деятельности и формирование резервов выплат на случай кассовых разрывов и возможного колебания доходности. В силу формирования такой модели ведения дела в большинстве НПФ (в первую очередь корпоративных) их деятельность учредителями и менеджментом априори рассматривалась как некоммерческая и осуществлялась исходя из задач управления персоналом и социальной защиты.

Можно предположить, что именно коммерциализация процессов привела к появлению таких эксцессов, как вывод активов и иные злоупотребления, в том числе упомянутые выше. И хотя и до этого имелись случаи оптимизации структуры активов и учета векселей (т. е. все те виды манипуляций, которые были характерны и для забалансовых пенсионных счетов крупных американских корпораций), но, поскольку они были характерны в основном для фондов, принадлежащих крупнейшим российским монополиям, особых рисков не возникало, так как всегда имелась возможность покрытия кассовых разрывов текущими взносами.

Таким образом, акционирование лишь ухудшило общую ситуацию и породило новые конфликты и противоречия, а не разрешило их и не обеспечило большей сохранности накоплений²³. Более того, именно

оно породило требование изменения структуры вознаграждения НПФ, которое и было реализовано с принятием Федерального закона от 7 марта 2018 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам регулирования деятельности негосударственных пенсионных фондов», которым предусматривалось, в частности, введение постоянной и переменной частей вознаграждения фонда. При этом постоянная часть вознаграждения фонда не зависит от результатов инвестирования средств пенсионных накоплений и оплачивается за счет средств пенсионных накоплений, а оплата переменной части производится за счет доходов от инвестирования средств пенсионных накоплений²⁴. И хотя устанавливалось, что порядок определения размера постоянной и переменной частей вознаграждения фонда должен содержаться в страховых правилах фонда, а размер постоянной части вознаграждения фонда за отчетный год и размер необходимых расходов управляющих компаний, непосредственно связанных с инвестированием средств пенсионных накоплений и оплачиваемых из средств пенсионных накоплений, не может превышать в совокупности 0,75% от средней стоимости чистых активов за отчетный год, «вознаграждение с убытков» создает диспаритет инте-

злоупотреблений до проведения акционирования НПФ, хотя кризис 2008—2009 гг., казалось бы, должен был привести к появлению примеров «бегства» в наличные.

²⁴ НПФ, которые не испытывали финансовых трудностей и не были замешаны в скандалах с выводом активов, выступали против принятия таких новаций, но они все-таки были приняты законодателем (см., например: Аксенов П. НПФ разошлись в расчетах. Банк России просит не вводить постоянную часть вознаграждения // Коммерсантъ. 2017. 4 сент. № 162. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3401791> (дата обращения: 02.11.2019).

²³ Подтверждением этого утверждения является отсутствие фактов преднамеренного вывода активов и иных форм явных

ресов субъектов и направлено против эффективной реализации целевой функции института дополнительного пенсионного обеспечения.

Более того, существующее пятилетнее ограничение на переход из фонда в фонд без потери инвестиционного дохода еще больше усиливает неравноправное положение. В итоге мы имеем конструкцию, где государство средствами правового регулирования и надзора порождает неравноправие субъектов гражданских правоотношений, создавая крен в пользу защиты более сильной из сторон, что недопустимо с правовой и общечеловеческой точек зрения.

Вознаграждение за убытки — не просто оксюморон. Это еще и калька с англосаксонской модели, в которой — и это признано в специальной литературе — существует неравновесие и неравноправие (неустранимые) между инвестором (бенефициаром) и трасти, действующим (фактически) от имени бенефициара. Однако в этой правовой конструкции собственность «распылена» между субъектами, и трасти является ипостасью реального собственника. При этом, соответственно, изымаемая часть средств рассматривается как изымаемая собственником на свои текущие нужды.

У нас же субъекты полностью разделены, посему невозможно спрятаться даже за такую, пусть и весьма шаткую, правовую конструкцию, поскольку налицо получение вознаграждения автономным и действующим в своем интересе субъектом за осуществление процесса безотносительно к результату, притом что процедура возмещения расходов в случае отсутствия успеха (т. е. в случае фиксации убытка, а эта ситуация вполне возможна и даже высоковероятна) не рассматривается вообще.

Свою долю дисбаланса в систему правоотношений добавляет и существующая практика регулирования инвестиционной деятельности субъек-

ектов, управляющих пенсионными накоплениями.

Во-первых, представление о рисках инвестирования связано с ситуацией, в которой одни инструменты являются, пусть и на основе некоторой конвенции участников рынка, более надежными, а другие — менее. При этом такой консенсус всегда оставляет возможность (неустранимую) сговора и манипулирования поведением субъектов в корыстных интересах, доказывание которого затруднено, а вот прагматический эффект для участников — вполне очевиден²⁵.

Во-вторых, и это, пожалуй, самое важное, проблема заключается в том, что лица, определяющие рискованность или надежность тех или иных активов, не несут никакой, и уж тем более материальной, ответственности за результаты своей оценки. Широко известны факты провалов механизмов оценки рисков на примере разного рода субординированных бумаг (такие, как «субординированные ипотечные облигации» или «субординированные долговые облигации»), с которых и начался финансовый кризис 2008 г., хотя этим бумагам приписывался наивысший из возможных рейтинг надежности.

Таким образом, регулирование рисков инвестирования является некоторой формой заверения со стороны регулятора в относительной безопасности и надежности сделок, которые на самом деле таковыми не являются. И поскольку за жесткой структурой регуляторных

²⁵ Примером подобной манипуляции может служить недавний казус с «Яндексом» и Сбербанком (см., например: *Пятин А.* «Как кошка с собакой»: ФТ связала «развод» Сбербанка с «Яндексом» с неудавшейся покупкой доли в компании // *Forbes*. 2019. 29 июля. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/380873-kak-koshka-s-sobakoy-ft-svyazala-razvod-sberbanka-s-yandeksom-s-neudavsheysya-pokupkoy> (дата обращения: 02.11.2019).

нормативов на деле никаких гарантий надежности сделки (за исключением статистических допущений) не стоит, более целесообразным представляется — при условии перехода от обязательной системы накоплений к исключительно добровольной — допустить отказ от этого механизма, перейдя к администрированию на основе укрупненных риск-профилей, в рамках которых ограничения устанавливаются в достаточно широких пределах исходя из возраста участника накопительной пенсионной системы.

Отдельно остановимся на политике стресс-тестов, которые, вопреки декларациям, по сути, убивают долгосрочное инвестирование. Философия стресс-тестов построена на ложных посылах, поскольку не связана со сроками исполнения обязательств. Достаточно анализа только соотношения текущих денежных поступлений к текущим обязательствам (баланс денежных потоков). При этом долгосрочными актуарными оценками можно пренебречь, поскольку они имеют отношение к весьма произвольным и слабо верифицируемым прогнозам, которые могут, однако, наносить весьма реальный ущерб агентам, в отношении которых они составляются, уже сейчас.

Это классическая проблема финансового рынка, на котором рейтинговые и прочие агенты оказывают влияние на поведение субъектов и регуляторов, однако не несут никакой ответственности за последствия своих действий.

В целом представляется более целесообразным в дальнейшем перейти к инвестированию пенсионных накоплений в реальные активы, генерирующие ренту на протяжении сроков, превышающих ожидаемые сроки получения выплат из соответствующей системы, аналогично практике Швейцарии и Франции, поскольку такие активы не подвержены существенным рискам. Для этого потребуется полно-

стью пересмотреть подходы к проблемам инвестирования и политике регулирования в этой сфере, отказавшись от идеологии примата финансовых рынков над реальными активами, т. е. от действующей экономико-правовой концепции.

Если связать все вышесказанное с вопросом трансформации системы пенсионных накоплений в форме ГПП, то становится очевидным, что предлагаемый вариант трансформации не приведет к решению имеющихся проблем, а лишь усугубит и усложнит их последующее решение.

Таким образом, глубокое обсуждение вопросов реорганизации накопительного компонента в ОПС с учетом всей сложности и переплетенности частных и публичных интересов так и не началось, а предлагаемые сегодня решения являются несистемными, непродуманными и контрпродуктивными с точки зрения последствий их внедрения в практику. Есть основания предполагать, что они породят больше проблем, чем смогут решить. И в таком виде, как они предложены, принимать их нельзя.

В связи с этим необходим возврат к широкому и всестороннему обсуждению проблем комплексной трансформации системы пенсионных накоплений с учетом всей сложной совокупности частных и публичных интересов и определения их баланса в реальных условиях России сегодняшнего дня.

Подводя итог, необходимо констатировать, что представляется целесообразным последовательный перевод обязательной накопительной компоненты в форму добровольного пенсионного обеспечения с расширением форм государственного стимулирования граждан к формированию накоплений и развитию инструментов защиты законных интересов участников системы. Пути и формы указанной трансформации должны быть определены в процессе широкой публичной дискуссии с привле-

чением всех заинтересованных сторон и экспертного сообщества.

Трансформация накопительной компоненты в форме ИПК контрпродуктивна и проблематична, учитывая перечисленные противоречия в правовой природе института «автоподписки» и коллизийность практической реализации

данной меры, а также то обстоятельство, что подобное направление реформирования системы не решает имеющихся институциональных, экономических и правовых проблем функционирования обязательной накопительной компоненты пенсионной системы, о которых было сказано выше.

Библиографический список

Central and Eastern Europe: New Member States (NMS) Policy Forum, 2014. Selected Issues. Washington, 2015.

Heinz P. R. Pension Funds with Automatic Enrollment Schemes: Lessons for Emerging Economies // Policy Research working paper. no. WPS 8726. Washington, 2019. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/368081549376313709/Pension-Funds-with-Automatic-Enrollment-Schemes-Lessons-for-Emerging-Economies>.

Аксенов П. НПФ разошлись в расчетах. Банк России просят не вводить постоянную часть вознаграждения // Коммерсантъ. 2017. 4 сент. № 162. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3401791> (дата обращения: 02.11.2019).

Афонин А., Янин А. Рынок НПФ по итогам 2018 года: экзистенциальный кризис. URL: <https://raexpert.ru/researches/npf/2018> (дата обращения: 13.11.2019).

Воронин Ю. В. Частное в публичном, или Некоторые размышления о методологии научных исследований накопительного компонента пенсионной системы Российской Федерации в праве социального обеспечения // Журнал российского права. 2019. № 3.

Воронин Ю., Назаров В. Что же будет с пенсией и с нами? (материалы дискуссии). URL: <https://echo.msk.ru/programs/sorokina/1853364-echo/> (дата обращения: 20.11.2019).

Воронин Ю., Столяров А. Негосударственные накопительные пенсии: подходы к сбалансированному регулированию инвестиционного процесса с учетом частных и публичных интересов // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов. М., 2019.

Гурвич Е. Государственные финансы в эпоху старения населения // Коммерсант «Наука». Приложение № 30. 2018. 30 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3724083> (дата обращения: 20.11.2019).

Крупное мошенничество на пенсионном рынке: граждане потеряли инвестдоход на миллиарды. URL: <https://www.bfm.ru/news/415457> (дата обращения: 27.10.2019).

Минфин разработал законопроект «о гарантированном пенсионном продукте». URL: <https://tass.ru/ekonomika/6855992> (дата обращения: 20.10.2019).

Пенсионные накопления в России: кризис ожидания или новые возможности: монография / отв. ред. Ю. В. Воронин, В. П. Емельянцева. М., 2017.

Перекрест В. Ограбить пенсионеров и сбежать в Лондон: как чиновник и реформатор Борис Минц превратился сначала в миллиардера, а затем в беглеца // Комсомольская правда. 2018. 5 июня. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26837/3878826/> (дата обращения: 27.10.2019).

Пятин А. «Как кошка с собакой»: FT связала «развод» Сбербанка с «Яндексом» с неудавшейся покупкой доли в компании // Forbes. 2019. 29 июля. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/380873-kak-koshka-s-sobakoy-ft-svyazala-razvod-sberbanka-s-yandeksom-s-neudavsheysya-pokupkoy> (дата обращения: 02.11.2019).

References

Afonin A., Yanin A. Privat Pension Fund's Market at the End of the 2018 Fiscal Year. Available at: <https://raexpert.ru/researches/npf/2018>. (In Russ.)

Aksenov P. Privat Pension Funds Diverged In the Calculations. The Bank of Russia is Asked not to Introduce a Fixed Part of the Assets Management Fee. *Kommersant*, 2017. September 4, no. 162. (In Russ.)

Big Fraud at the Retirement Market. Citizens Lost billions in Investment Income. Available at: <https://www.bfm.ru/news/415457>. (In Russ.)

Central and Eastern Europe: New Member States (NMS) Policy Forum, 2014. Selected Issues. Washington, 2015.

Gurvich E. Public Finances in the Age of Aging. *Kommersant "Nauka"*, prilozhenie no. 30, 2018, August 30. (In Russ.)

Heinz P. R. Pension Funds with Automatic Enrollment Schemes: Lessons for Emerging Economies. *Policy Research working paper*. No. WPS 8726. Washington, 2019. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/368081549376313709/Pension-Funds-with-Automatic-Enrollment-Schemes-Lessons-for-Emerging-Economies>.

Pension Savings in Russia. A Crisis of Expectations or New Opportunities. Ed. by Yu. V. Voronin, V. P. Emel'yantsev. Moscow, 2017. (In Russ.)

Perekrest V. Rob Pensioners and Escape to London. As a Civil Servant and Reform-Maker Boris Mints turned first into a Billionaire, and then into a Runaway. *Komsomol'skaya pravda*, 2018, June 5. (In Russ.)

Pyatin A. "Like a cat and a dog". FT Linked the Sberbank and Yandex "Divorce" with a Failed Attempt to Purchase a Share of the Company. *Forbes*, 2019, July 29. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/380873-kak-koshka-s-sobakoy-ft-svyazala-razvod-sberbanka-s-yandeksom-s-neudavsheysya-pokupkoy/>. (In Russ.)

The Ministry of Finance Has Elaborated a Bill on "Guaranteed Pension Product". Available at: <https://tass.ru/ekonomika/6855992> (accessed 20.10.2019).

Voronin Yu. V. Private in Public, or Some Reflections on the Research Methodology of the Pension System's Funded Part in the Russian Federation's Social Security Law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 3, pp. 84—96. DOI: 10.12737/art_2019_3_7 (In Russ.)

Voronin Yu., Nazarov V. What will happen to pension and us? (Materials of the Discussion) Available at: <https://echo.msk.ru/programs/sorokina/1853364-echo>. (In Russ.)

Voronin Yu., Stolyarov A. Funded Private Pensions. Balanced Approaches to the Regulation of the Investment Process, Taking into Account Private and Public Interests. *Investitsii v natsional'nom i mezhdunarodnom prave: balans chastnykh i publichnykh interesov*. Moscow, 2019. (In Russ.)